

Татьяна Демьянова

Дартс



Татяна Демьянова

Дартс

«Accent Graphics communications»

2016

Демьянова Т.

Дартс / Т. Демьянова — «Accent Graphics communications», 2016

Что управляет человеческими жизнями, почему судьба сталкивает и соединяет людей непредсказуемыми связями, суть, направленность, цель которых неясна до последних мгновений и иногда не открывается вовсе? Ученый, стремящийся одержать победу над неизлечимой болезнью, идет к открытиям через причины, ведомые только ему, путями, выложенными острыми камнями собственных страданий и страстей. История гениальных озарений и жизнь, построенная по законам этих открытий, следующая по странному, несуразному, нестандартному или безумному пути.

© Демьянова Т., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
1	6
2	11
3	17
4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Татьяна Демьянова

Дартс

Странно, что я искал спасения. Совсем – как человек, который сетовал бы, что недавно во сне потерял вещь, которой у него на самом деле никогда не было, или надеялся бы, что завтра ему приснится ее местонахождение.

В. Набоков «Приглашение на казнь»

Предисловие

Пространство расширяется, когда меня нет. Бесконечный полет – во сне нет горизонтов. Время что рябь на море – движется, но остается на месте. Безмятежность, когда нет делений циферблата. Нет необходимости выбирать путь – на небе не существует направлений. Легкое парение среди облаков, за волокнами которых скрываются серебристые создания. Ловлю клич одного из них – оно отрывается от группы и летит вверх. Его крик перебивает ветер. Поднимаю взгляд и различаю желанные очертания...

Внезапно – утро. Голова не на подушке. Где я, где будильник, где кофе? Аппарат для эспрессо сломан, можно не вставать и грезить наяву, вспоминая ночные часы, любоваться на пальцы, несущие следы воспоминаний. На запястье – чернильный узор, стираю отпечаток. Все оттого, что утро – так внезапно, что не успела прийти в порядок кофемашина. Достать с верхней полки турку, просыпать на пол зерна, глотнуть ледяной жижи, потому что плита не была включена. Проснуться, оглядеться, отойти от сновидческих красок, заполнить все экспрессивно-личными чертами. Вспомнить, кто я.

Рука приближается к металлической лампе, включаю свет – отражение выпукло, словно рыбий глаз. Бегаю стержнем по листу: поиск – моя жизнь, мой воздух. Я способен познать недоступное, прозреть итог, приподнять покрывало, которое скрывает мрак, схватить знак равенства и вытянуть решение. Мне доступно особое зрение – видение того, чего нет, мой гений беспределен и ограничен лишь желанием. Разгадки, которых касается моя жажда, отменяют непроходимые лабиринты – поверяют пути, которыми их можно достичь.

Одного мне не предугадать – что следует за разгадкой, который пункт назначения в исследовании истинный. Поиск всегда движется своим путем, создает собственные фуги, полагается на нечаянные обстоятельства – обретает жизнь, торопит искать вдохновение среди неизведанных источников. Когда я в первый раз ступал на путь, то не догадывался, что открытие приведет меня к переживанию смерти. Сейчас, спустя десятки лет, листая дневники и перечитывая письма, сопутствующие первому важному открытию, с трудом верю, что их писал я, крепкое слово так и выскочит при обнаружении очередного слепого пятна – у гениев они свои. Столько слов, фантазий – и все не о том, не о главном, но, как оказалось, для главного. Его я до сих пор не могу забыть. А теперь – тсс – выключаю лампу – пусть тьма в одиночестве смеется над моими записями.

Часть первая

1

Темно. Дождевые капли раздражают стекло. Стою цаплей и наблюдаю за прохожими. Всегда должен быть тот, кто наблюдает (и те, за кем наблюдают), иначе игра теряет смысл. Интрига – в степени изменений, которую вносит созерцатель: состояние кванта всегда меняется от постороннего намерения¹. В Древней Греции об этом знали – боги, Одиссей... Знали они и исключение: спуск в Аид влияет только на наблюдателя.

Мое зрительное место – галерка, все примечательное в мире открывается с горы Мон-блан. Четыре тысячи восемьсот восемь метров над уровнем моря, по сторонам сетка стран – презрение пределов; возможности же моего перемещения ограничены радиусом в три станции метро, на дальней из которых – больница.

Стук в дверь. Надеваю меховые тапочки и плетусь на кухню. Мама подкладывает оладьи в тарелку и заводит сломанный диалог: он никуда не движется, но каждый раз она с усердием поворачивает ключ. Всеобщая истерия коммуникации, которой мне не понять: начинать разговор оттого, что сказать нечего.

– Познакомься с кем-нибудь.

Любимая мамина колея: «Вот, я посылаю вас, как овец среди волков...»². Она не может смириться, что я – дыра социальной галактики, черная область, не источающая свет, но притягивающая волны негативных эмоций. Но выхода нет, и я шествую к моей Трое, в институт, где сгустки коллектива просчитываются астрономическими формулами.

Мне бы закурить, пока первокурсники вращаются малыми созвездиями, небрежно откинуть голову, стряхнуть пепел на асфальт, закрутить окурочок острым носком ботинка... Но я оттягиваю пальцами нижнюю губу и разглядываю тряпичные кеды с белыми звездами, пока созерцание не прерывает пара замшевых мокасин. Их обладатель – Андрей, пухленький мальчик с прыщом на щеке, и мы уже вдвоем топчемся под табличкой «Химическая технология». От обувного степа отвлекает выступление ректора, а после – волна сокурсников, безапелляционно увлекающая в ближайший сквер для продолжения знакомства. Меня не покидают ни Андрей, ни ощущение, что я – клякса на этой компании: окружающие взрываются от совместного хохота, а я наблюдаю, как рядом задорно подпрыгивает пара конформистских мокасин.

От чрезмерного внимания дождя стволы будто голые. Подсчитываю сучья в ожидании, когда мы разъедемся по домам, девочка (вроде бы Лера, если имя верно наложило на образ) встает рядом со мной под дерево и широко мне улыбается. Бесталанный музыкант никогда не предугадает нот, его шанс – подглядеть в тетрадь. Окидываю взглядом окружающих в поисках подсказки. Все заняты собой, кроме мокасин, направляющих мыски в мою сторону. Однако их хозяин нем. По наблюдениям, для игры не обязательно быть хорошим актером – участники верят в происходящее с той же легкостью, что древние люди в блюде, покоящееся на трех китах. Таков общественный договор, в котором я не успел поставить своей подписи, не научился соблюдать правила, хотя искренность чревата проигрышем.

Лерин взгляд упрям. Поддавшись, рассказываю, как рисовал автопортрет в школе: скопировал лицо до реалистичного сходства и подвел к нему палку. Учитель тогда поставил мне три, так как рисунок не соответствовал седьмому классу: нельзя в двенадцать лет изображать

¹ Состояние физической системы меняется во время (из-за) ее измерения. Явление тем заметнее, чем меньше измеряемая система (в квантовой физике критично).

² Евангелие от Матфея, Библия, Новый Завет.

тело в виде линии. А я выступил с защитительной речью моему произведению. «Оно – концепт, – заявил я, – все равно что черный квадрат Малевича, и главное в нем – идея. Развитие умственных способностей изображенного убежало ахилловыми шагами вперед по сравнению с физическим развитием тела – произведение следует трактовать исключительно из данных воззрений; также необходимо принять во внимание, что искусство от науки отличает субъективистский подход. Возможно ли поставить оценку картине Врубеля «Поверженный Демон»? Мне, конечно, не сравнивать свои таланты с гением серебряного века, но суть от этого не меняется». Речь мою прервали, когда я коснулся чести русского символизма, белки преподавателя покраснели, класс замер в ожидании (гневного взрыва?). Но учитель, понизив голос, сослался на сложность компоновки деталей картины и обещал обсудить предложенную концепцию вместе с директором и матерью после уроков. Я пожал плечами и сел на место. В итоге за работу мне поставили пять, но на доску почета не повесили, несмотря на мои упрямые намеки добавить категорию «Символизм» к уголку грамот учеников 7А.

Странная история из детства не отпугивает Леру, напротив, она теснее льнет ко мне. Чем я привлек ее? Оглядываю ноги-палки в промокших кедах и пожелтевшие звезды, клетчатую рубашку, на которой загнулся край; прячу за спину свернутую в трубочку зеленую тетрадь и жду, когда мне на голову спланирует лопух, и все догадаются о моем школьном прозвище. В неумные терзания врываются хлюпающие мокасины, подступают так тесно, что мое ухо оказывается в заложниках.

– Димон-то не промах. Первый день, а уже бабу снял!

В замешательстве отворачиваюсь от бляения и смотрю на небо, скованное тучами. Лера берет меня под руку, и мы следуем за всеми. Чего хочет от меня это эфирное создание? Прямой нос, ровно подстриженные каштановые волосы до плеч (уверен, стоит их отвести – и обнаружатся уши с заостренными по-эльфийски кончиками). Все так, ведь ее темно-вишневые глаза будят во мне сказочные сны. Лесной проводник в фантазмагорию. Она ловит мой изумленный взгляд; ее губы чуть приоткрыты, будто у нее тоже случилось видение, которое она не в силах себе объяснить. Чарующие полные линии, кажется, созданы для безмятежных колыбелей. Что-то бесконечно знакомое проглядывает вдоль изгиба ее плеч, сквозит в движениях ее рук...

Взмах крыльев голубя над головой возвращает реальность, стиснутую между сцепленными пальцами. Лера вынимает ладонь из моей руки и поправляет волосы, кулон слетает с шеи – подхватываю, теперь на моей линии судьбы уместается ее золотая цепочка. Мы отстали, крики и топот далеко впереди.

– Это александрит. Отец подарил его, когда я выиграла соревнования по спортивной гимнастике. Специально привез из Шри-Ланки. Символ процветания. Он меняет цвет в зависимости от освещения.

Валерия вертит камень на солнце, а я, замороженный, смотрю, как от еле уловимых поворотов льется ее юбка.

– Смотри, – наклоняет голову под углом. Повторяю за ней, не отводя от нее взгляда.

– Давай помогу, – протягиваю руки, чтобы надеть цепочку, пока она приподнимает волосы на затылке. Аромат ее кожи пьянит – он родом из детства – благоухающая ваниль.

Vanilla. Вид орхидных. Основная страна-поставщик – остров Мадагаскар. По внешнему виду нечто среднее между большим горохом и узеньким кабачком. Ничего, что бы походило на пряный запах, таящийся в коробочке. Вот она, моя трагедия: аромат выветривается, когда за восприятие берется ум. Разложит на составляющие и нивелирует целое, он что волчий табак: наступишь – и по сердцу разнесется смрад. Анализ чувств, чертеж отношений – мысль превращает все в фарс, в конструктор, в мусор. Позволь мне еще насладиться эльфийской грацией, вобрать легкости! Но нет, Лерины стрелы не поразят мой ум, не собьют с пути логического мышления – приближаюсь к ней ровно настолько, насколько позволяет личная гравитационная постоянная. Она расскажет о Цветаевой, Манделштаме, Пастернаке, а я буду только кивать

и замечать про себя, как это ей идет. Теплое Балтийское море – окунаюсь с головой и плыву вдоль дна, с наслаждением, согревая каждую клеточку, сознавая, что до холодной перемены считанные гребки.

И все равно, смена течения застаёт врасплох, когда Валерия приглашает к себе в отсутствие родителей: ночью целует меня в шею, а по моему телу идет дрожь, что острые лезвия. Я съеживаюсь. Она проводит ладонью по моим щекам, отказываясь принимать происходящее. Мы выключаем свет, раздеваемся и ложимся в постель... Через женщину, согласно тантрической философии, можно приблизиться к богу. То бог явно хтонический, из подземного мира, сотрясающий тело до мрачного основания. Я побывал в объятиях Гекаты³.

Один писатель в интервью рекомендовал в трудные периоды читать Спинозу, другой – Марка Аврелия. Ерунда. Ни одна книга не помогает так, как «Откровения Иоанна Богослова». Патологический, доведенный до максимума ужас бытия. Иллюстрации Дюрера к этой части Библии – неискаженная реальность; в отличие от Босха, который разносил части строф на отдельные картины, Дюрер вырезал видения Иоанна едиными, такими, какими они приходили пророку: черт, ангел, грешник, никакого деления по бракоразводному соглашению – сыночка маме, котика папе – все на гравюре в парадоксальном единстве. Кто делит мир на белое и черное, кто считает, что одному по заслугам, другому по праву? Природа ошибается, лепит без разбору, человек же ищет ей оправдание, ведь иначе – столкновение с непереносимостью бытия.

Существует редкая болезнь у грудных детей – «синдром бабочки». Кожа таких новорожденных не приспособлена к обычной среде. Малейшее внешнее воздействие причиняет им боль. Долго они не живут... Я – такая бабочка, у которой болит вся изнанка – сердце, душа, желание жить. По Фрейдю, человек балансирует между двумя полюсами притяжения: созидание и разрушение. Мне же присуще неизменное тяготение к единственному – небытию.

Касаюсь Лериной щеки, кутаюсь в одеяло и сбегая в ванную, где в спешке отмываю себя от чуждого запаха. А после готовлю завтрак, скрывая ужас за жаром заботы. Если она и догадалась о том, что я почувствовал, то ее актерским способностям можно позавидовать: в равной степени ей удалось это скрыть и от меня, и от себя. И для окружающих мы – одна из тех идеальных пар, которым принято завидовать, все потому, что красивое ухаживание за девушкой доставляет мне истинное удовольствие. Несомненно, это знание передалось мне генетически, вместе с талантом к химии, по крайней мере, так утверждает Андрей, выдавливая очередной прыщ на подбородке. Его, в отличие от меня, жизнь не балует женским вниманием: вдобавок к полноте, лоснящимся волосам и обгрызенным ногтям, он носит скверный характер. И если мое молчание воспринимается представительницами прекрасного пола маской, предваряющей загадку, то его – скудоумием. Собственно, на этом и строится наша дружба с синими мокасинами: он завидует мне и проявляет злость в агрессивных шутках, но так как меня окружают девушки, которых на нашем факультете не так много, ловит свой шанс; я же следую за ним из-за врожденной неспособности сходить с бытовой реальностью. Нельзя сокрыть очевидное: я, признаюсь, высокоинтеллектуальный асоциальный фрикер. Вот одна из моих костлявых тайн: когда ночь вырывает меня из сна, ум не спасает, потому что во мраке комнаты отсутствует кислород – я дико и позорно кричу: «Мама!». И по утрам ем ее олады.

Осознание, что это ненормально, пришло не сразу – годами воспринималось как данность, пока однажды в темноте из меня не вырвался бессмысленный вой: мне восемнадцать, а я не переношу темноту. Просыпаясь по ночам с сухим горлом, иссушенным кошмаром, с приступом соматической астмы, я верю, всем изболевшимся сердцем верю, что умираю, и как только вера перерастает в физическую обреченность, начинаю истошно кричать, забывая о собственной гениальности. В тот момент, воистину, ее нет – есть лишь дикий животный страх,

³ Древнегреческая богиня преисподней и таинственного.

что сердце откажет. Я несусь в беспамятстве, разглядывая закоулки подступающей смерти, теряю тело, но вот мама начинает его тихонько трясти, целует в лоб, наклоняясь надо мной, обнимает и садится рядом, включая лампу на прикроватном столике. «Розовенький», – улыбается она, долго гладит по спине, придерживая второй рукой, и идет заваривать травяной чай. Пока она кипятит воду на кухне, я включаю верхний свет и осматриваю себя в зеркале, придирчиво прощупываю пальцами грудную клетку, приглядываюсь к каждому миллиметру в поисках мертвой синюшности. Выдыхаю, заворачиваюсь в одеяло и жду, пока вернется мама с успокоительным напитком. Такие ночи не правило, но на одно подобное пробуждение приходится несколько недель содроганий и седых (маминых) волос. Не представляю, возможно ли пережить этот ужас в одиночестве, хотя корень его – рассуждаю после при дневном ярком свете – именно в этом самом одиночестве. Но дальше мои рассуждения не идут, что-то с силой выталкивает меня к другим темам, наверное, это что-то – страх сойти с ума.

Моя девочка – так я начал называть ее на втором курсе, когда мы встречались уже больше года – хорошо читает сказки. Они очень ей идут. Временами, забывая разбирать смысл, единственно слушаю ее грудной голос, слежу за движением губ, пока мы лежим, одетые, на мягком плеле в ее кровати. Она держит в руках книгу и разглаживает корешок или подносит ее к лицу и вдыхает запах типографской краски. Иногда откладывает чтение, гладит меня по волосам и рассказывает истории из школьной жизни. Они сводятся к тому, что она была самой желанной девочкой в классе, но никого к себе не подпускала, потому что ждала меня. Я всегда киваю: так уютно, что не хочется вспоминать, что секс у нас ни разу не повторился. Мучаю ли я ее? Не знаю, она для меня – Богиня, повторяю ей вновь и вновь, падая на колени и вручая букет гербер. Как-то она проговорила, что чувствует себя Любовью Менделеевой⁴. И хотя сравнение неудачное – я вовсе не поэт – расстроить ее иллюзии не в состоянии, ибо наши фантазии так гармонируют друг с другом.

Но рай всегда заканчивается традиционно: «Она» вкушает яблоко, поддается скользкому «Гаду» – на следующий же день передает знание «Ему». Изгнание из Эдемского сада на даче: мы читаем Бориса Виана, когда при упоминании «Иисуса на большом черном кресте»⁵ она нервно вздыхает, закладывая книгу большим дубовым листом:

- Дима, – ее голос непривычно звонок. – Нам нужно расстаться.
- Что случилось? – поднимаюсь с земли, прикрывая глаза от слепящего солнца.
- Мы с тобой олени.
- Что?!
- В болоте. Нас засасывает на дно, но нам так уютно, что мы не можем пошевелиться.

Ты сам мне рассказывал.

- Что олени умрут, если человек не сожмет им ноздри?
- Да, чтобы они поняли, что умирают.
- Ох, и пафосно ты говоришь.
- Дима, такой человек появился.
- Вечно у тебя проблемы с метафорами.
- Дима, прекрати, – но я уже надеваю кеды и направляюсь в сторону калитки. – Ну, куда ты сейчас поедешь? До электрички идти минут сорок.

Улыбаюсь и машу на прощание. Она права. Что-то определенно во мне не так. Дело ли в механическом клапане в моем сердце, что отвратил от меня желание к живому и потному? Мне не нужен секс, мне не нужна страсть, природа моих чувств исключительно платонична, а это фатально для молодого человека моего возраста – уничтожаю себя фактами, пока бреду,

⁴ Любовь Менделеева – жена А. Блока. Известно, что он предпочитал вступать в сексуальную связь с посторонними женщинами, нежели с собственной женой.

⁵ Б. Виан «Пена дней».

обливаясь потом, до вокзала. И все же в ее округлостях, в ее голосе содержится нечто, что тянет и отталкивает меня одновременно, нечто, чего я боюсь и жду. Два года с Лерой, двадцать четыре месяца тишины – действие пакта о ненападении, мир без панических атак. Неужели теперь они вернуться? При мысли об ускользающем спокойствии я холодею и желаю повернуть назад, но передо мной уже двери электрички. Стук колес, встречный ветер, накрапывающий дождь. В такую погоду хорошо читать «Мастера и Маргариту» или переживать драматичные сцены с прощанием. Жаль, у меня не было ни первого, ни второго.

2

После расставания с Лерой я потерялся для социальной жизни в лаборатории и учебниках по микробиологии – мама заглядывает ко мне в комнату и уговаривает лечь в постель. Часто вижу ее такую: растрепанную, просыпающуюся в два часа ночи от беспокойства, что взрослый сын еще не спит... Но за два года я изменился, меня больше не удручают утренние олады, театрально-наигранные отношения, загадочное распределение физических благ... Все лишнее отошло на второй план, наступило время для тихого счастья: многочасовая работа освобождает и от кошмаров, и от привычных терзаний. Не это ли называется примирением с судьбой? В любом случае, более умиротворенное и спокойное состояние мне незнакомо.

Мои первые научные публикации, посвященные действию Т-хелперов, вызвали интерес со стороны профессионального сообщества, и передо мной, наконец, открылись заслуженные перспективы. Когда жизнь идет в правильном направлении, можно ли выдохнуть? Увы, нет, ведь Мойры⁶ любят вплести новую нить: лечащий врач настоял на смене клапана. Мне предстоит операция, и в случае отсутствия осложнений – неделя больницы и месяцы терапии. Отложенная на полгода жизнь, отсроченный выпуск из ВУЗа, ехидное «в случае...» – после посещения врача прилепляюсь носом к окну в ожидании, пока вестибулярный аппарат отмерит верный угол. Одиссей в преддверии заточения у Калипсо⁷.

Мое сердце отключат, оно не будет перемещать кровь – на несколько часов я превращусь в безвольную куклу. В лучшем случае, впоследствии – пара дней интенсивного загара в реанимации. Единственное, что помогает справиться со страхом – сказки Валерии. Она приходит с ними вечером, накануне отъезда в больницу, забирается ко мне в постель и хрустит зелеными яблоками и страницами пухлой книги. Мелкие вдавленные буквы не разобрать на темно-коричневой обложке – не узнать, что она мне читает; сквозь дрему до меня доносится рассказ о снежных заносах и упрямых героях, которые, преодолевая стихию, выбираются со станции. Куда они направляются? Вместо того чтобы пережить в тепле, им непременно нужно сражаться с непогодой. «Существует птица Нулла – редкий вид, которая поет за закрытым окном, – прислушиваюсь я то ли к Лере, то ли к голосу из сна. – Ее пение можно расслышать в зимнее время, если направить внимание за узорчато-непроглядное стекло, на улицу, где ярко светит солнце. Но едва ли можно надеяться узнать, кто же она на самом деле – та, которая поет прекрасную и тоскливую песню. Немногие путники решались посмотреть на нее, да и то – те, кто осмеливались, делали это по принуждению, ведь никто, у кого есть теплый дом, не впустит холод с улицы. Но ходят слухи, что путник, который вылезает в окно и вопреки сильнейшему желанию уснуть на морозе ловит перо, слетевшее с ее хвоста, узнает ее имя; однако случаи те редки, да и рассказы о них неправдоподобны»...

Хрустящие сахарные сугробы и солнце, неразличимое за горячей дымкой – прогулка по зимней пустыне продлилась бы до самого утра, но мой сон разрезает хлопок. Заспанный, я решаю, что это Валерия, но в пустой комнате только тьма, живот крутит едким воздухом – светом, превращенным в отравленный запах. Еще хлопок – это форточка, сквозняк толкает дверь, треплет листы в открытый книге. В комнате под потолком начинает кружить снег. Схватить бы одеяло и вынести его на лицо, но руки вязнут в липкой темноте, в чужих бархатных волосах – вдох – в окно льется утро. Пятнадцать минут до звонка будильника.

⁶ Древнегреческие богини судьбы – три сестры: Клото (прядет нить жизни), Лахесис (определяет судьбу), Атропос (перерезает нить жизни).

⁷ В мифологии – прелестная нимфа, удерживавшая Одиссея на острове Огигия семь лет, пока боги не сжалились над героем и не приказали его отпустить.

Новые джинсы, белая футболка – долго выбираю, что надеть; мама удивленно наблюдает за сборами. Одно небо все принимает, бесконечно расцветая над головой, чтобы после заползти за облупленный угол серого потолка и оставить наедине с анестезиологом, убеждающим, что маска пахнет шоколадом. Не знаю, лгал ли он – сознание покидает меня сразу, мой счет не успевает дойти и до двух. После возвращается темнота. Но иная, очищенная от власти Морфея: темнота – возможность, темнота – глубина, темнота, в которой можно размышлять и плавать. Если бы время в обыденной жизни развивалось также, то каким количеством возможностей мы бы обладали! Ведь времени в темноте нет, оно лишь ось координат, и ты – точка на XYZ и t – паришь в четырех измерениях, немного скованно, потому что без привычных осей воля проявляется иначе. Если бы во тьме были дневные оценки и эмоции, можно было бы сойти с ума, однако их нет, оттого ты, беспечный ребенок, подвисаешь в черном материнском молоке.

Свет зовет меня через пару дней врачом фонариком, бьющим в глаза. Собственное сердце уверенно перекачивает меня в скучную палату: несколько дней длится сопротивление тому, что я есть снова.

Выбираясь из дремы к полудню, шаркая на кухню и глотая варфарин, отшатываясь от зеркала как от чумы... не перестаю удивляться тому, что организм стремительно привыкает к новому клапану, заставляющему быть и биться не только за себя, но и за других: Валерия ждет ребенка (наверное, младенца с каштановыми волосами и голосом, исцеляющим поколения... Как я желаю, чтобы он повторил мою судьбу наоборот!). Свадьба Леры для меня – смещенный центр Вселенной, мне неуютно от одного упоминания о ней. Увильнуть бы по причине физической слабости, стать тенью на дальних рядах!.. Но все прозаичнее: всего лишь теряюсь в собственных брюках (минус восемь килограммов со дня операции). Отсутствие подходящего костюма обнаруживается, когда я оказываюсь в полотенце перед шкафом, и до выхода мне остается полчаса. Большим фриком уже не стать – с этим лозунгом зацепляю за пояс красные подтяжки (всего-то выдержать церемонию и прогулку, а после меня отработают домой по предписанию врача по причине болезненной восприимчивости).

– Дима, хорошо, что пришел, – Валерий Александрович, отец невесты (Валерия Валерьевна – имя для логопеда), задумчиво осматривает меня. – Я не заметил тебя в ЗАГСе. Иди, посиди где-нибудь, а то бледный, как смерть.

Смех удаляется с каждой секундой, расходится над водой – Лера уже не девушка-эльф, но женщина-лебедь. Достойное видение для паренька, чей тощий зад пребывает среди семейства металлических утят, когда над ним – маковки Новодевичьего монастыря. Отворачиваюсь от всех и, скрываясь за деревьями, пинаю камушки, пока не застываю над вороной, пригвожденной к земле. Черные, как смоль, крылья-лезвия замерли, устремившись вверх, будто она слишком долго представляла полет, а сил взлететь не хватило. Отшатываясь назад и падаю на руки: она мертва. Какая неестественная напряженность, словно смерть не способна ослабить жизненной хватки! Отряхиваю руки и снова склоняюсь над вороной. Угольный клюв повернут влево, тельце сведено судорогой. Каталептическое окоченение.

– Какая неестественная поза, – раздается за спиной.

Разгибаюсь и краснею, в первые секунды мне кажется, что говорят не о трупце, а обо мне.

– Верно, столбняк.

– Или стрихнин. Птичка неудачно покутила.

Поднимаю глаза, складывая губы в поисках колкости, но замираю перед невысоким мужчиной лет тридцати с ямочкой на подбородке. Я запомнил его по широким скулам и взгляду, от которого в груди восставала зима, и по тому, что в его присутствии Лерин отец сглаживал

командорские черты и вступал в диалог. И вдруг этот незнакомец («Никогда не разговаривайте с незнакомцами»⁸), опускается на утку, спину которой только что согревали мои ляжки.

– Тогда ее полет был долгим, – мой голос непривычно тих.

– Долгим?

– Не знаю поблизости ни одного птичьего притона, где бы приторговывали пестицидами. Он беззастенчиво сверлит меня взглядом несколько секунд, после чего протягивает руку.

– Герман.

– Дима, – от волнения моя ладонь скользкая, как чешуя карася, быстро отнимаю ее и слежу за реакцией собеседника. Он не выдает, заметил ли мое стеснение.

– Двоюродный брат Леры?

– Друг.

– Для друга вы слишком близки. Ее муж не ревнует?

Прячу взгляд под крыло утки – внимательно рассматриваю, как на скульптуре очерчены перышки.

– Странно, когда символ смерти – ворона – умирает, – мой ответ для этого, лучшего из миров.

Но это мне приходится задрожать от загадочного спокойствия, которым Герман обходит неуместное замечание. Среднестатистический взрослый выдерживает со мной не более двух минут, после чего сбегает под халтурным предлогом.

– В преданиях чукчей ворона – шаман, поэтому ее смерть – возрождение.

– Противоположности не могут сосуществовать друг с другом.

– Отчего это?

(Например, эта пара. То, что важный знакомый Валерия Александровича и дощатый паренек в красных подтяжках сидят рядом на утке и утенке, вызывает угрожающие колебания во Вселенной.)

– Потому что они приводят к химическому взаимодействию. Противоположностей не бывает – бывают элементы, не вступившие в реакцию. Если взять биосинтез того же стрихнина из триптофана и германниола...

Мой увлеченный монолог прерывает отец Леры, который отводит Германа в сторону и протягивает ему конверт.

– Все, как договорились?

– Как договорились, – мой недавний собеседник скалится, обнажая идеальные зубы.

– Познакомился со светилом науки?

– Да, Дима успел произвести на меня впечатление.

– Что же, замечательно. Подбросишь его? Тебе, должно быть, по пути.

– Как скажете, Валерий.

В неловкости мы остаемся одни. Точнее, в неловкости остаюсь я, Герман остается в самоуверенности.

– Спроведили все-таки. Я знал. Пошли, нежеланный гость в красном.

(Он имеет в виду мои подтяжки или щеки?)

Окна его автомобиля продолжают комедию: элегантно одетый и стройный мужчина, рядом неуклюжий и дощатый я; даже ребенок на парковке кидает мне презрительный взгляд. Все вокруг намекает на то, что нет мне места рядом с подобным человеком, а ограда оставляет на ноге синяк с указанием на выход.

– Дима, значит. Однокурсник. Не раз слышал о тебе от Валерия.

– Вы работаете с ним?

– Работаю.

⁸ М. Булгаков «Мастер и Маргарита».

Наблюдаю за Германом, уверенно держащим руль – убежден, он знает себе цену, рядом с ним каждый признает свою ограниченность.

– Спроси меня.

– Что?

– Неужели тебе неинтересно, что о тебе говорил Валерий?

– Очевидно, вам очень хочется рассказать.

– Ретивый, – в очередной раз мерит меня оценивающим взглядом. – Он неоднократно называл тебя гением. И что он ждет не дождется, когда ты устроишься на работу в его компанию.

– Неинтересно.

– Почему?

– Хочу заниматься наукой.

– Дима в красных подтяжках хочет заниматься наукой, – водитель барабанит пальцами по рулю, словно что-то обдумывая. – И на разработку какого препарата ты планируешь потратить лучшие годы жизни?

– Меня интересует иммунология.

– Самозащита организма?

– Наоборот, поражение органов собственными антителами. Саморазрушение.

– Системная красная волчанка? – Герман демонстрирует собственную подкованность и выпрямляется в кресле.

– Например.

– Заканчиваешь аспирантуру?

– Еще нет. Я отстал на год.

– Черт, ты же гений, ты должен перескакивать курсы, – его оскал окрашивает мои щеки румяным заревом.

– Вы меня нервируете.

– Я знаю. Ты меня тоже. Рушишь все стереотипы об ученых: страшенькие ботаники без личной жизни. Чем же ты занимался целый год?

– Что за вопрос? – во мне соперничают бешенство и страх перед осанкой этого человека.

– Неудивительно, что тебя выгнали, – замечает Герман.

– Что?

– Из института. За неуместные интонации перед взрослыми.

– Календарный возраст предоставляет людям шанс повзрослеть, но не все им пользуются, – выставляю иголки и опминаюсь.

Вот, полилось мое неуместное мнение, из-за которого в школе меня называли тупым недомерком ученики и за глаза учителя. Страшенький ботаник без личной жизни.

– Ты всегда такой? – его интонации что белый свет, никак не разложить их на спектр.

– Честный?

– Бестактный.

– Если дать мне возможность раскрыть рот. Поэтому предпочитаю молчать.

– И отсиживаться на утке?

Я был готов к злости, к раздражению, к гневу. К отвержению. Но вместо этого новый знакомый заставляет меня рассмеяться.

– Ты прав, тебе не стоит работать на отца Леры, с таким норовом ты с ним долго не проработаешь. Тем более над дженериками⁹. Знаешь, в своих желтых штанах ты тянешь на хипстера.

⁹ Лицензированные копии дорогих фирменных лекарственных препаратов.

(Это и есть светский разговор, который поддерживают экстраверты для создания дружелюбной атмосферы?)

– Ты не слышал про хипстеров, неужели нет? Это современная субкультура, – не унимается Герман, пока я гадаю, заметил ли он, что я нервно общипал себе запястье.

– Интереснее изучать то, что вечно.

– Пласты мезозойской эры?

– Тоже преходящи.

– Ага, романтик. Любовь?

– Смерть.

– Какая сторона тебя интересует? Кладбище? Разложение? Готика?

– Взаимодействие, – отвечаю сквозь смех.

– С чем?

– С жизнью. Когда они встречаются, происходит реакция.

– И что же дальше?

– Пока известны только слагаемые и их валентности.

– Ищешь во всем формулу?

– Чем еще заниматься страшенькому ботанику без личной жизни?

Останавливаемся на светофоре. Герман снимает солнечные очки и просит убрать их в бардачок, когда же мои пальцы касаются дужек, сжимает мое запястье и «гравировает» на ухо – если бы слова были материальны, то оставили бы на мне печатный оттиск.

– Нельзя бросать себе такие приговоры.

– Не твое дело.

– Не могу поверить, что в шестидесяти килограммах может уместиться столько дерзости.

Возвращает руку на руль, сигнал переключается на зеленый. На следующем повороте он останавливает машину.

– До моего дома отсюда пятнадцать минут пешком.

– Дойдешь.

– Я, было, решил, что ты – особенный. Всю жизнь меня никто... С мной никто так не разговаривал. Ты будто... принял мой способ... общения. А теперь... Неужели я тебя оскорбил?

– Дима, меня невозможно оскорбить. А тебе стоит расширить круг знакомых, тогда ты рано или поздно встретишь людей, которые будут тебя принимать. В этом нет ничего сверхъестественного. Теперь тебе пора.

– Один вопрос?

– Один.

– Почему ты ко мне подошел?

Герман бледнеет, отбивая неизвестный ритм по рулю.

– Неуместный вопрос... Для меня ты тоже особенный. Действительно хочешь это знать?

– Хочу.

– Ладно, Дима в красных подтяжках. Мне показалось, что ты из моей лиги.

– Из твоей лиги?

– Думай, ученый.

Голова делает круг вокруг своей оси, или ось поворачивается на триста шестьдесят градусов? Этот Герман – гей!

– Вот, запомни, как чувствуют себя люди, когда им говорят правду, к которой они не готовы. Тебе пора.

– Постой!

– Что?

– А мы можем просто общаться?

– Ты не представляешь, кто я такой. Просто не получится, Дима.

Где мой сарказм? Где мое острословие? Где я? Меня нет. Есть только солнце, подсвечивающее напористые облака. Все остальное размыто по лазурному небу. Рядом с Германом, в беспредельной тишине боюсь пошевелиться – с трудом смотрю на него – он бесшумно смеется.

– Я решил, что ты в меня влюблен. Ты так выразительно побледнел во время рукопожатия. Все, хватит – вдруг обрывает он сам себя.

Бросаю вызывающий взгляд, но Герман только смеется и закуривает сигарету.

3

Уходить надо красиво. Последний образ должен быть выбран тобой. Пусть это будет чистота. Надеваю новую рубашку и брюки (мама купила на свадьбу Леры, но мне удалось их не заметить) – день, что унесет с собой память, запечатлеет расчесанного подростка в хрустящей отглаженной одежде. Это я. Привет!

Крупные редкие капли прижимают листву к асфальту, земля расплзается от потоков воды. На штанах сереет карта – мысли, набросанные грязью, летящей из-под каблуков. Все не по плану. Нет, я не согласен с такими зарисовками. Дождь должен стать откровением, чистилищем, где хаос упорядочивается как элементы по таблице Менделеева. Только энтропия нарастает, и меня штормит. Этот беспорядок, он из непривычной материи, он от страха, тяжелого и вязкого – из него не вытянуть цепочку рассуждений, на него не хватит центробежной силы, его не разогнать на составляющие.

Холодный стетоскоп на груди. В зажатых пальцах – предел вечности. Что я должен сделать, чтобы принять его существование?

Вдох.

Что там с интервалами? На розовой бумажке симфония (ввернуть бы красивую метафору, но, к сожалению, знаю только неуместную «Lacrimosa» Моцарта). Все верно, играет сердце гения, отбивает такт будущих откровений.

Выдох.

Значит, все хорошо. Открытия ждут меня. Остается лишь сделать выбор и сузить направление для кропотливого исследования – только у меня слишком много возможностей. За какую взяться? Мне бы совет волшебного существа, лесного эльфа, белоснежного лебедя, который умеет угадывать тайны мироздания.

В руках игрушка для младенца – подарок на шесть месяцев со дня рождения. Дорогу найти легко – Лера живет в том же доме, где и раньше, но на два этажа ниже (ее отец не долго думал, куда поселить молодых). На празднике привычный мир переворачивается: Валерия управляется с ребенком так же легко, как я с уравнениями по химии, вот к чему у нее природная склонность (стоит отвернуться, и младенец норовит разбить себе голову – откуда столько любви к маленькому самоубийце?). Теперь все сказки и секреты предназначаются не мне (и даже не ее мужу), у нее новый центр Вселенной. Похоже, это не понравилось Владу, по крайней мере, Валерий Александрович заявил, что выгнал его, когда тот в очередной раз пришел домой пьяным (удивительный нюх – с верхнего-то этажа!), и доверительно вложил мне в ладонь конфискованную связку ключей (на экстренный случай). С трудом верю, что еще нужен Лере, но она согласно кивает на предложение сидеть с ребенком, со временем добавляя в мой график «четверги» – дни, когда у нее йога, а бабушка занята. Требуется время, чтобы привыкнуть к маленькому ребенку, к игрушечно-голубым глазам, смешным ручкам и запойному реву, зато по вечерам, когда Лера возвращается с занятий, она читает нам сказки – мне и маленькой Ли – и мы втроем зарываемся под одеяло.

И вновь, верная примета: если на горизонте ясно прорисованы будущие десятилетия, и судьба различима до мелочей, являются Мойры, чтобы напомнить, что то – мираж в пустыне человеческой самонадеянности. Незыблемая рутина, выстроенная мною на года: мама, институт и девочки – оказывается недолговечной. В один из четвергов – как раз кончался август – Валерий Александрович, уже не единожды жавший мне руку во время моих посещений, пригласил меня на «настоящий мужской отдых». Мне бы отказаться, но любопытство пересилило и разум, и страх. И я попался: моя бедная «мужская» фантазия не могла предположить, что янтарный лес, в которой меня привезли, предназначается для игры в пейнтбол, лучшего из возможного времяпрепровождения для мальчика с паническими атаками.

Мои предложения об охране базы отменяются взрывным смехом, и меня направляют изучать гарнизон. Когда нет возможности отказать человеку, необходимо отказать обстоятельствам. Устав от тяжелой амуниции, я опускаюсь на колени и не зря: прогулка на карачках по осеннему лесу сродни медитации – концентрация на неровностях земли, кочках, сучьях, линиях судьбы. Мои мысли раз за разом возвращаются к Лере: если мне так хорошо рядом с ней, почему бы не?.. И были бы Мы, и было бы ежевечернее теплое покрывало и грудной голос, ограждающий от забот? В раздумьях облакачиваюсь об ограждение, преградившее мой путь. Что, если это он, тот шаг, дарующий счастье? Озаренный, порывисто и восторженно встаю во весь рост – челку задувает на глаза, только блики в просветах – как шар с краской с силой толкает в грудь и валит набок. Макушки деревьев, изумрудные кроны и сквозь них – белые лучи – совершенство на несколько секунд; закрываю глаза – благодать, как покойно, пусть мир вертится без меня, я умер, меня нет.

– Дима?

Знакомый голос. Крепкие руки возвращают на землю. Утопаю в запахе. Никакого парфюма. Это аромат кожи, смешанный с запахом листьев, облепивших камуфляж. Между мной и ним – сантиметр.

– Время тебя не меняет, опять в неестественной позе.

– Здравствуйте, Герман.

– Очень опрометчиво – мечтать на базе противника. Теперь ты в плену. Буду держать тебя здесь.

– Разве это предусмотрено правилами?

– Мне вчера исполнилось тридцать три, мне можно все.

Над нами стихает ветер – дарует тишину, подчеркивает, как сосны величественны и молчаливы, если их не тревожить. Пустота раздвигает деревья, наполняет легкие кислородом, водянистая земля расцветает небом под неторопливое течение облаков. Время останавливается, пространство вот-вот окутает черное молоко. Нас отличает только цвет командной ленточки: у обоих растрепаны волосы и лица в поту. То Герман или фата-моргана¹⁰, по ошибке повторяющая меня?

– Думал, вам больше.

Он усмехается.

– Я тоже.

– Сейчас будет речь разочарованного и циничного мудреца?

– Мне было как раз как тебе, двадцать с небольшим, когда со мной познакомился мужчина. Он перевернул мою жизнь.

– Зачем вы рассказываете мне это?

– Угадай.

– Намного он был старше?

– Ему было под сорок. Теперь скажи, что ты чувствуешь рядом со мной?

– Неловкость.

Герман отрицательно качает головой и приближается ко мне вплотную: от его тела исходит настоящий жар. Моему замешательству нет границ, когда мои губы против воли тянутся к его губам.

– Тс, – говорит он, – не здесь, – и отводит мое лицо кончиками пальцев.

Будто от великой опасности я вскакиваю на ноги и собираюсь бежать, но Герман хватается за брюки и возвращает на место.

¹⁰ Оптическое явление из череды миражей, при котором отдаленные явления видны многократно и с различными искажениями.

– Сиди, если не хочешь получить краской по голове. Это же вражеская территория, забыл?

– Что вам надо?

– После всего, что между нами было, давай вернемся на ты.

– Между нами ничего не было.

– Сама невинность.

– Лучше, чем быть беспринципным...

– Тс, – он вновь прикладывает палец к моим губам.

Кто-то зовет его. Он выходит из-за укрытия, закинув автомат на плечи. Пришедший не заметил меня, это становится ясно из разговора. Тогда я ложусь на живот и устремляюсь в сторону так быстро, как это позволяют мокрые коленки. Но далеко отползти не удастся: рука соскальзывает в яму и натывается на нечто острое. Сев на колени, оцениваю ущерб: палка пропоролла куртку, но меня не зацепила.

Тем временем яма начинает дышать. Что-то шевелится и хрюкает в углублении, что-то ворсистое, со слипшимися от грязи волосами. Пячусь назад, отталкиваясь от земли ладонями. Хрюканье становится громче. На расстоянии вытянутой (той самой, не пораненной) руки, раскидывая в стороны листья и вихля бедрами, передо мной возникает профиль жирного дикого кабана. Пальцы вцепляются в пейнтбольный автомат, верхняя губа собирает пот, сердце вступает в перезвон с дыханием. Скользить по мощным коротким ногам, по торчащим в разные стороны клокам – нет, нет, нельзя!.. – но меня тянет прикинуть к шерсти обладателя!.. Правая рука взлетает вперед, только в животе холод от предчувствия клыков и мощных ног вепря. Трясусь – от страха и желания. Нельзя, нельзя!.. Нельзя себя выдать! Зверь смотрит перед собой, он не видит меня. Пока. Но как хочется укутаться в тяжелую шерсть, забыться в ее тепле...

Хлопок. Другой. Третий. Еще. Кабан визжит. Несусь за ним. Куда? Куда он убегает? От меня! От меня! Стой! Бегу меж свистящих деревьев, меж робеющих камней и скромных холмиков – бегу. Бегу, пока не начинаю задыхаться, пока не падаю на землю и не хватаю воздух, изголодавшись.

Кабан рядом. Через три ствола просматривается мохнатый хвост. Зверь разгребает копытом черную землю, что-то вынюхивает. Хочется подбежать к нему, обнять толстую шею и позволить себя разорвать. Где-то высоко кричит птица, уверен, то Нулла, ведь по моей коже кружат зимние мурашки. Искривление времени в эвклидовом пространстве: его не измерить секундами, шкала теперь – направление. Нулла кричит еще раз. Кабан идет вперед.

Лес восстанавливается: деревья обретают неподвижность, земля – неровности и почву. Золотые листья ловят алеющие лучи. «У древних переход в иной мир мыслился либо как разрыв, как провал, как ниспадение, либо как восхищение. В сущности, все мистериальные обряды имели целью уничтожить смерть как разрыв»¹¹. Я возрастаю. Возрастаю.

– Идиот! – меня настигает Герман. – Идиот!

В гневе мой спутник походит на вепря. Огненное солнце. Красные глаза. Вокруг – ни души, теперь наверняка птицы и насекомые разбежались, и мне бы последовать за ними. От его крика у меня тахикардия, люблюсь на грязь, забившуюся под ногти.

– Это, по-твоему, что, кошечка? Боже мой, такого идиота я еще ни разу в жизни не встречал!

Взгляд вепря для меня так же притягателен, как пение Сирен для Одиссея. Если я скажу, что знал об опасности, что он подумает?

– Если бы выстрелы не спугнули его, он бы тебя...

– В мифологии древних людей, – скороговоркой перебиваю его, – были особые дети, которых нельзя было ни класть на землю, ни брать на руки. Таких детей спускали на воду.

¹¹ П. Флоренский.

– Что?!

– На воду.

– Мать твою, Дима, какая вода? – он делает паузу и опускается рядом, устраивая руку мне на спину.

– Я к тому, что у меня плохие отношения с воздушно-ветряной средой.

И к тому, что существуют истории о порченных детях, которых отправляли на смерть.

– Как в сказке «О царе Салтане»...

Нет, Александр Сергеевич пел о другом.

– Царевича вместе с матерью засмолили в бочку и спустили на воду, так? И они оказалась на острове Буян.

– С царевной Лебедь, белочкой и тридцатью тремя богатырями.

– Ты собираешься открыть новое царство, Дима?

Сукин сын, я совсем о другом. Куда он клонит? Игнорирую провокационный вопрос и целую его в ямочку, касаясь носом влажных губ.

– Дима, кто ты, чего ты хочешь? – обращается он ко мне спустя вечность, проведенную в смятении.

– После смерти, – тараторю я, – первый мир, в который попадает душа, это Чигай. Он ближе всего к состоянию просветления. Чем дальше от него, тем сложнее отказаться от земного притяжения и возвратиться в счастливую пустоту. Чем порочнее ты жил, тем больше чертей и демонов набросятся на тебя, чтобы разорвать на части. Если ты не старался поверить в спасение, то велика вероятность того, что оно не придет. Чем меньше осознанных воспоминаний о жизни, тем быстрее и тщательнее тебя переварит безразличный орел.

– Угадывается Тибетская книга мертвых, христианские откровения... Что за орел?

– Кастанеда.

– Ага. Еще ты не хочешь, чтобы твое сознание прервалось по желанию всемогущего Кришны? Или чтобы на Землю прибыли всадники Апокалипсиса? Или чтобы ответ на все вопросы был сорок два¹²? Скажи, чего ты хочешь?

Меня здесь нет, есть только тело, наблюдающее за происходящим со стороны.

– Я хочу, чтобы ты отвез меня домой. У меня болит рука, – указываю на разорванную куртку.

– Это не боль, боль – это твой самообман. Легко быть честным по отношению к другим, когда себя травишь байками. Ты пожираешь меня, но не реагируешь на флирт.

– Ничего не было.

– Ничего не было, или ничего не было в твоей голове?

– Может, я – асексуал, и мне физически неприятен секс, может, мое дело состоит в изучении закоулков разума. Ты же ничего обо мне не знаешь.

– Что за бред, – с этими словами он сжимает мое достоинство. – Дима, хочу тебя обрадовать, ты обладатель отличной потенции и нетрадиционной ориентации.

Отползаю в сторону. Больше драмы – это о мужчинах, бегающих по лесу с автоматами, наполненными голубой краской.

– Ну, что ты наделал? – в моих глазах стоят слезы. – Что ты наделал? Что же теперь дальше? Что же со мной будет?

– Ты на земле, учись ходить.

Отползаю еще на несколько метров. Герман следит за моими движениями, как кот за канарейкой.

– Вот она, твоя жизнь. Ползти и делать вид, что ничего не происходит.

¹² Ссылка на книгу Адамса Дугласа «Путеводитель для путешествующих автостопом по галактике», где «42» является ответом на главный вопрос жизни и Вселенной.

– Кто ты такой? Кто ты такой, чтобы так вламываться? Тебе хочется поиграть? Так иди, играй, вокруг полно более легких безделушек.

– Игра давно кончилась, твоя команда победила. Ты бы услышал это, если бы не играл с вепрем.

– Это твое хобби? Издеваться над людьми?

Мне не страшно. Я слышу ноту, которую мне следует сыграть.

– Если это доставляет удовольствие обоим.

– Эгоист.

– Со временем привыкнешь.

– К твоему эгоизму?

– К правде. Это как яркий свет после пребывания в темноте. Зрачкам требуется время, чтобы адаптироваться к освещению. Больно только первое время.

4

Сон схватывает меня в редкие минуты, когда цепкие жгутики ослабляют хватку, но стоит укутаться в дрему, как те с силой вырывают обратно в тревожное бытие. Лихорадит. Тру ступни друг о друга, провожу ладонями по ягодицам, глажу свой живот – столько лет это тело было мной непознанным. Разорванность, отстранявшая от собственной плоти, исчезла, на ее место пришло ощущение переполняющей целостности. (Удивительно, что женщины в первую ночь, наоборот, теряют целостность. Верно, поэтому им необходимо произвести на свет ребенка – чтобы ее восстановить.)

Горизонт растекается красным – то жгутиконосцы тянут волосяные ножки в сторону запада, захватывая купол, – корабли, устремленные в Элладу, – предвещают, что возвращение будет ознаменовано предательством¹³. Поднимаюсь с постели и отодвигаю занавеску, чтобы рассмотреть кровавые подтеки, нанесенные паразитами: город не готов к моему пробуждению, раз не успел прогнать на дно протистов¹⁴, остается только наблюдать за угрожающей интервенцией.

– Что там? Иди сюда, – зовет меня сонный шепот.

Не двигаюсь с места, пока не наступает финал, и гармоника не меняет амплитуду. Жду. В молочное небо кидают лимон, и кислотные краски наводняют город, забрасывая окна полосками желтой кожуры. Если приложить ладонь к стеклу, можно коснуться этих лучей – горячих посланников, пролитых с перистых облаков, укачанных в бриллиантовой желти. На моих кончиках – теплый отпечаток света.

– Дима, – меня зовет любовник, отворачивая одеяло.

Секс – субстрат, во время полового акта снисходит трепетная убежденность, что через эту первооснову можно познать смерть, что на пике активности можно выдавить из себя жизнь, овладеть стойкой эйфорией небытия. Непрестанный диалог между телами. Чем ярче прикосновения, тем скорее замарывается личный вкус. Новая составляющая смерти – соитие с тянущим послевкусием. Чем теснее прижиматься к Герману, тем далее отходить от себя, растворяться в окружающем, терять свое «я».

– Дима? – бормочет он и притягивает к себе. – Дима, – этот голос, произносящий мое имя.

Не поэтому ли в древних сказаниях имена открывали немногим избранным, чтобы нивелировать экстернальную¹⁵ связь, сохранить для сокровенного?

– Это же фляк бланш, – шепчет Валерия.

Кружусь по комнате, чтобы найти ее – кончик юбки ускользает в соседней комнате. Бегу за ним. Но Лера уже далеко – подбегает к горизонту, встает босыми ступнями на линию и прыгает назад и на руки. Широкая юбка-колокольчик делает балетное па. Хочу подстраховать ее, иначе она разлетится на миллионы брызг, но увязаю – жгутиконосцы тянут осьминожки щупальца, обвиваются вокруг моих ног – остается только смотреть, как Лера отталкивается руками и вновь летит назад. Худенькие ножки уверенно балансируют на тонкой линии – чувствую, как ее мышцы напряжены – от усилия тают, Лера тает. Это уже не она, это тень уходящей ночи, что касается моего плеча, прикладывая ледяные губы к левому уху.

– Уходи, уходи, рядом Герман, – цежу сквозь зубы. – Мы вместе два месяца. Все так быстро. Уходи, уходи. Он не должен знать о тебе. Уходи. Уходи.

¹³ По «Одиссее» Гомера, многих воинов, вернувшихся с Троянской войны, по возвращении ждали новые неприятности.

¹⁴ Простейшие. Передвигаются с помощью ложноножек, жгутиков или ресничек.

¹⁵ Экстернальный – внешний.

В груди колючий лед, от холода немеет плечо, только окно закрыто, и в комнате духота. Нет. Нет. Это не температура снаружи. Это я. Нет. Нет. Не сейчас. Не с ним. Он не должен знать, что от страха я хватаюсь за одеяло и зову маму, безвольно качаюсь взад-вперед на вымокшей от пота простыне.

– Что, что мне сделать? Скорую? Это сердце?

Вперед-назад, вперед-назад, впиваюсь в нижнюю губу зубами, чтобы не заорать. Вперед-назад. Надо открыть рот, надо открыть рот, чтобы впустить воздух. Нет, нет, тогда сорвется крик. Сумеречное пространство между мной и стенами, кислород выжжен. Хватаю, хватаю все, что только есть рядом, но вокруг – вокруг ничего нет, только слезы, слезы, ужас – выхода нет вокруг. Хлопки от крыльев птицы. Нет, нет! Все выше по окружности, вверх, а кислорода все нет. Слышу раз – и воздух льется в грудь – какая свежесть, выдыхаю – слышу два – искрится свет белой лампы, вдох-выдох – слышу три. Это Герман, это Герман говорит, как мне дышать, и дышит вместе со мной, прикладывая ладонь к мокрой спине...

– Часто с тобой случаются панические атаки? – спрашивает он за завтраком.

– Такая – в первый раз, – и не обманываю его. Она прошла крайне спокойно, без истощающего вопля и длительного удушья.

– С моим двоюродным братом в детстве частенько такое случалось. Вова мог упасть на улице и устроить истерику. Веселое было время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.